

ОКТАБРИНА
БОРОНОВА

СНЕЖНИЦА

ОКТАБРИНА
БОРОНОВА

СНЕЖНИЦА

с т и х и

перевод с саамского Владимира Смирнова

мурманское книжное издательство

1986

С (саам)

В75

Рецензенты:
Владимир Санги,
Виктор Тимофеев

Художник
Николай Ковалев

Воронова О. В.

В75 Снежница: Стихи/Пер. с саам.
Вл. Смирнова. — Мурманск: Кн.
изд-во, 1986. — 120 с.

Сборник стихов первой саамской по-
этессы.

В 4702010200-18 20-86
М150(03)-86

С [саам]

© Мурманское книжное
издательство, 1986 г.

ЗАЧИНАТЕЛЬНИЦА СААМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В начале тридцатых годов Советское государство открыло в Ленинграде Институт народов Севера. Русские ученые, преподаватели Института, многие из которых отбывали в царское время ссылку в районах проживания народностей Севера, помогли им создать письменность. Тогда вряд ли кто-либо мог с уверенностью сказать, что буквально через несколько лет у народов, только что получивших письменность, возникнет своя литература.

Карандаш и книгу дал нам Ленин,
Он свои заветы нам оставил.
Вот когда мы стали жить светлее,
Словно горы, к небу вырастая!

Так выразил первый чукотский поэт Федор Тынетегин всеобщую социальную революцию, охватившую ранее забытые, темные, бесписьменные народы российских окраин.

В тридцатых годах возникли литературы у коряков, чукчей, ненцев, юкаги-

ров, эвенков, ханты, нанайцев, после войны — у эскимосов, удэге, манси, ульчей.

В шестидесятых годах у малочисленных народов Севера произошли крупные социально-культурные преобразования — и литература получила новый импульс ускоренного развития. В 1961 году на Сахалине вышла первая книжка автора настоящей статьи. Классик русской советской литературы председатель правления Союза писателей СССР Константин Александрович Федин тогда написал мне большое, с тонким и обстоятельным анализом письмо. В письме были обязывающие слова: «Итак, появился первый нивхский писатель — певец нивхов, которому придется открыть другим народам душу и сердце своего».

В 1973 году на ледяном Таймыре дочь оленевода культработница Огдо Аксенова, долгими зимами разъезжавшая по бескрайней тундре, просвещавшая свой народ, впервые прочитала землякам стихи на родном языке из книги «Бараксан», и читающий мир узнал о зарождении в Советском Союзе еще одной литературы — долганской.

Удивительно наше время — время больших социальных преобразований во всех регионах, независимо — в каком удалении они находятся от традиционно развитых культурных центров. И едва ли не самой зримой и осязаемой приметой этих преобразований является

рождение и необыкновенно быстрое становление литератур у народов, еще на памяти ныне здравствующего старшего поколения не имевших письменности.

Лет восемь назад Союз писателей РСФСР совместно с ЦК ВЛКСМ проводили в Малеевке Всероссийский семинар молодых писателей народностей Севера и Дальнего Востока. В уютных гостиных Дома творчества звучали стихи и рассказы на ненецком, эскимосском, эвенском, удэгейском, юкагирском, чукотском, хантыйском, нивхском языках. Там же впервые прозвучали стихи на саамском языке. Автор этих произведений — культработница из Ловозерской тундры, воспитанница факультета народов Крайнего Севера Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена Октябрина Воронова. И мир узнал о появлении в Советском Союзе еще одной литературы — саамской. Потом были семинары в Ялте, Магадане, где на суд выносились уже зрелые произведения мастеров младописьменных литератур.

И вот передо мной рукопись сборника стихов Октябрины Вороновой с нежным северным названием — «Снежница».

Мурманское книжное издательство обратилось ко мне с просьбой написать рецензию на эту рукопись. Я внимательно, с большим интересом прочитал рукопись саамского автора и написал... предисловие к первой книге зачинательницы

саамской литературы Октябрины Вороновой.

Снег лежит в сугробах пышных,
Легкий, мягкий, словно пыжик...

Так чувствовать Север может только рожденный на Севере, для которого Север — не экстремальность, не отчуждение, не край героического (и сурового!) покорения, а дом родной — извечный, уютный, с мягкими, как пыжик, сугробами.

Еще в детстве, молчаливая, тихая, Октябрина пугалась шума, уединялась.

Родителям, привыкшим к просторам тундры, к ее размаху, весеннему немолчному гвалту, так естественно передающему человеку энергию и активность, дочь казалась странной. Из уединения девочка выходила, нашептывая непривычно звучные слова. Тогда еще безграмотные, не имевшие письменности, саамы не знали, что такое стихи.

А в Ленинграде в годы учебы, когда Октябрину окружали бурно начинавшие молодые поэты: манси, ненцы, эвены, — дочь Ловозерской тундры находила себя в художественной гимнастике. И нам, сверстникам и сокурсникам Октябрины, она казалась недостижимым совершенством ритмики, линий...

Во всех стихах Октябрины Вороновой звучат сердечность, обнаженность чувств, вызывающие в сердце отзвук соучастия

и сопричастности к делам, мыслям саамской поэтессы, ко всему тому, что волнует и заботит ее.

Снегиря увижу рядом.
Ты куда такой нарядный?..
Иль, дыханье затая,
Ждешь свидания, как я?

Или:

Я тебя благодарю,
Снежница-зима,
Вот за эту белизну
Над лесной грядой,
За зеленую сосну,
Ставшую седой...

И очень важно, что первый поэт саамов ищет и находит вдохновение в родном народе, в его мудрой многовековой поэзии, — это во многом и определило лицо автора, самобытное и яркое («О победивших ветер», «О пытавшемся летать», «...Песни, сказки...», «Где же ты, Тарасик, где ж ты, пастушок?..»). И поэтика Вороновой ищет благодарного родства с поэтикой народных песен, во многом исходит из неповторимой поэтики народных обрядовых, бытовых, производственных, лирических и героических саамских песен.

Не успел с девчонками вдоволь поиграть.
На борьбу с фашистами поднималась рать.
Гимнастерка ладная, под пилотку — честь.
Так оно,

так оно,

так оно и есть.

И ушел, родимый, не пастух — солдат,
От восхода солнца прямо на закат.

И домой принес он радостную весть.
Так оно,
        так оно,
                так оно и есть.

Лирика — сильное начало у саамской поэтессы. Лирика пронизывает буквально все ее стихи, питая их незаемной сердечностью и достоверностью.

Я поняла:
Жилище не ослепнет
До той поры, пока в золе и пепле
Хранится хоть крупинка теплоты...

Лиризм автора дает возможность решить социально важные, животрепещущие проблемы в том исповедально-доверительном ключе, который позволяет поэтессе идти со своей правдой к читателю, вселить в него оптимизм. Уж куда актуальнее может быть сегодня для древней оленней тундры проблема прихода молодежи в пастухи, к оленям — к делу отцов-матерей! Вот как говорит Октябрина Воронова о пастухе-оленеводе:

...Когда неяркой серебристой ранью
Отмечены вершины дальних гор,
С грядущим днем на первое свиданье
Спешит пастух по имени Егор...

Связать бы все пути, что вместе с ветром
Прошел он через топи, валуны, —
Наверняка бы этих километров
Хватило от Земли и до Луны.

Но если бы когда его спросили:
«Чем счастлив ты?»

Признайся до конца! —
Сказал бы:
«Пастухом стал сын Василий,
Не изменил призванию отца!»

Эти стихи я бы рекомендовал в школьные хрестоматии для всех народов Севера, для которых оленеводство — главное занятие. И что примечательно: ведь поэтесса не выдумывает красивую жизнь, не идеализирует положение — мы уже знаем, что там, где работа с молодежью идет с учетом традиций народов Севера, там действительно получается по стихам, которые я привел выше. Зов родной природы, сыновняя привязанность к родным горам, лесам, таинственным, немного страшноватым с детства, нерестовым рекам-кормилицам — все это есть в душах маленьких северян. Важно, чтобы эти замечательные чувства оставались с ними долгие годы. И тут роль поэзии, литературы и искусства нельзя переоценить.

Сопричастность к повседневности саамов, к их прошлому и сегодняшнему дню, к их нелегким трудовым будням помогает поэтессе найти верный тон в ее рассказе о земляках.

Там, где Октябрина Воронова обращается к родной природе, ее стихи красочны, энергичны, жизнеутверждающи:

Маленький олешек робко тычет
Белую мордашку в белый мох.

Соком наливаются брусника.
Солнце свет на тундру щедро льет.
Очень скоро мама-олениха
Пополнение в стадо приведет.

Или:

Протянулась Кольским краем
Далеко-далёко,
Как попутчица людская,
Олмэ-варда-ёгкын.

То бурлит среди утесов,
Как орлиный клекот,
То замрет в спокойных плёсах
Олмэ-варда-ёгкын.

Я ловлю себя на необоримом желании привести эти прекрасные стихи полностью, но размеры статьи не позволяют. У читателя есть счастливая возможность не раз вернуться к ним.

Давно кукушка отсчитала дни
За тучи закатившемся лету.
Тепло и солнце — где теперь они?
И лишь хохочет эхо:
— Где-то... где-то...

И не надо много слов. И не надо длинных описаний своих чувств, настроения. Достаточно вот так сказать, емко. Настоящая поэзия порождает много ассоциаций, воспоминаний — и радостных, и печальных. Заставляет думать, на миг отрешиться от суеты никчемной, углубиться в себя и открыть в себе необыкновенную глубину чувств. Может быть, та маленькая девочка в дни пребывания в Ловозерской тундре и уединялась, что-

бы потом вылились стихи, подобные вышеприведенным? Может быть, студентка Ленинградского пединститута потому многие годы отдала красивому виду спорта — художественной гимнастике, что искала линии, созвучные тем еще не высказанным мыслям и чувствам, которые созреют позже?..

Я говорил о стихах, определяющих лицо саамской поэтессы. И хотя речь вел об авторе, поощрительных слов заслуживает и переводчик Владимир Смирнов — он первым из русских поэтов взялся за нелегкое дело донести до всесоюзного читателя первое слово первого саамского литератора.

Летом 1983 года в Ленинграде, в гостинице «Приморская» с окнами на Финский залив, где, по-пушкински, все флаги были в гости к нам, проходило заседание редколлегии ЮНЕСКО по созданию двух всемирных томов книги «Северяне сами о себе». Там собрались ученые, общественные деятели, писатели, интеллигенция — представители народов Севера Старого и Нового Света. Между заседаниями и после заседаний в дружеской беседе я рассказал эскимосам из Гренландии и Канады, индианке с берегов Великих озер Соединенных Штатов Америки, саамским ученым и поэтам из Норвегии, Швеции и Финляндии о рождении в нашей стране у ранее бесписьменных народов своей национальной литературы. Говорил

о том, что произведения чукчи Юрия Рытхэу, который, кстати, вел заседание редколлегии, нанайца Григория Ходжера, манси Ювана Шесталова, юкагира Семена Курилова и других представителей младописьменных советских литератур сегодня читают практически во всех странах нашей планеты. Среди имен, мною перечисленных и названных, имя первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой из Ловозерской тундры заняло достойное место.

Представляя читателю Октябрину Воронову, я хочу высказать уверенность, что ей и другим ныне начинающим саамским литераторам по силам «открыть другим народам душу и сердце своего».

Чьи это смелые краски и кисти?
Кто из художников чудо принес? —

вопрошает поэтесса в одном из стихотворений. А мы уже знаем, кто этот художник.

ВЛАДИМИР САНГИ,
секретарь правления
Союза писателей РСФСР

* * *

**Тундра моя — моя жизнь и любовь навсегда.
Сколько вершин у тебя, словно скатерти,**

ровных,

**Как хорошо здесь, у неба! Да только сюда
Труден подъем среди скал и ущелий огромных.
Камень уронишь — гремит он, как в бочке**

пустой.

**Робко на плиты ступаешь, как будто на мины.
Сердце забьется. Дыханье замрет. Но — постой,
Разве не так покоряем мы жизни вершины?**

Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!

Жизнь без оленей — как будто без соли еда.

Жизнь без родителей — это сиротская доля,

Где вся еда — только хлеб и сырая вода,

Хлеб — не всегда, потому что ведь тундра —

не поле.

Темень и стужа. И выла пурга вдоль села.

Я, шестилетняя, нянчила кукол двухлетних.

Куклам живым как тогда объяснить я могла:

**Все — на войне и вот этот кусочек — последний!
Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!**

**Скоро ли грянет победный весенний мотив?
Теплые зори — и те мимолетны и редки.
Но собирались, с собой инструмент прихватив,
Женщины сел на совсем невеселых супредках².
Иглы и ножницы, шкуры и прялки — в ходу.
Песни печальные плыли к черте горизонта.
Пели — а сами-то, превозмогая беду,
Малицы, пимы и тоборки³ шили для фронта.
Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!**

Годы войны не забудешь, как в плаче ни вой.
Годы замужества тоже не слаще бывают.
Пара оленей в упряжке идет грузовой,
Только одной их веревочкой пуйней⁴ впрягают.
Если олень упадет, не осия пути,
Значит, второму — копытами в лед, но пытаться
Вырвать упряжку из снега и дальше идти,
Чтоб малышам замерзать среди гор не остаться.
Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!

Как на супредках, во мне и поныне звучат
Песни тех лет. Только греет в них давнее что-то.
Дети мои, приводите скорее внучат,
Я их понянчу. Мне нравится эта работа.
Я по вершинам всей тундры полярной прошла.
Дали и пастбища — все я окинула взглядом.
Кто говорит: не ахти как большие дела?
Стойте. Подумайте. Пропасти — вот они, рядом.
Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!

---

¹ Постой, подумай (здесь и далее — саам.).

² Посиделки, вечерки.

³ Одежда и обувь оленеводов.

⁴ Деталь парной оленьей упряжки.

Собирались на ламбинах гуси

в отлетные стаи...

Неизвестно на чем,

но с годами и мы вырастали,

Выбирали судьбу, как ружейный приклад,

по размеру.

Кто учителем стал,

кто строителем,

кто инженером.

Но и нынче,

живя

в городской или сельской квартире,

Мы болеем о доме —

всеобщем,

единственном мире!

* * *

Ловозерские горы лишь с виду пологи,
И лишь издали схожи, как братья, они.
И на юг, и на север крутые отроги
И такие межгорья —
С тропы не сверни.

Пропасть страшная есть возле скал Алуайва,
К ней опасно приблизиться — так глубока.
Здесь когда-то по трещине
Огненной лавой
Вниз катилась, кипела, бурлила река.

Это было давно.
Уж не помнят и деды,
Как дрожала земля, сея ужас и страх,
Как сгорали кунцы, олени, медведи
В тех огромных и жарких всеядных кострах

Пасть вулкана закрыли сугробы и стужа,
Запечатали пробкою вечные льды.

Лишь местами звенит,
Пробиваясь наружу,
Голубая струя родниковой воды.

Время — лекарь земли.
Все проходит с годами.
Забываются горе, печали, беда...
Только пропасть,
Что вдруг пролегла между нами,
Не уверена я, зарастет ли когда.

* * *

Снег лежит в сугробах пышных,
Легкий, мягкий, словно пыжик.
Солнце яркое с небес
Озаряет зимний лес.
Нет ни облачка над домом.
Небо кажется бездонным.
Тропку к лесу протопчу,
Постою и помолчу.

Снегиря увижу рядом.
Ты куда такой нарядный?
Протрещи своей сестре,
Словно вереск на костре.
Рад ли солнцу, рад ли снегу,
Рад безоблачному небу?
Иль, дыханье затая,
Ждешь свидания, как я!

НОЧЛЕГ В ПУТИ

**Долго путь нелегкий длится.
Ночь полярная глуха.
Довелось остановиться
Мне в жилище пастуха.
А за куваксо¹ — молчанье.
В тундре все объято сном.
«Пурч-пурч-пурч», — лопочет чайник,
Закипая над костром.**

**Говорит старик:
— В дороге
Чтобы вам не уставать,
Надо дедов знать уроки —
Душу чаем согревать.
Не грузинский,
Не индийский,
В пачках или развесной, —
Здесь нам чага пригодится:
Чай целебный,
Чай лесной.**

А пока кипит, прошу я,
Ушку похлебайте вы.
Только самую большую
Кость из щучьей головы
Дайте мне.
Она откроет
Тайну долгого пути:
За какой такой горою
Можно счастье вам найти.
Поглядите: недалеко,
Где-то в ближнем к нам краю.
Пейте чай.
А на дорогу
Я вам сказки пропою...

О ЧУЗИ — ПОЛЯРНОМ ВОРОБЬЕ

Солнца красного лучи
Взбудоражили ручьи.
Речка вздыбилась подковой,
Ледяные рвет оковы
И, гудя, с седых высот
Воды мутные несет.

На поляне между кочек
Ожил маленький комочек,
Будто горсточка земли.
Он взлетел.
И вот вдали
Услыхали песню люди:
«Чу-ди, чу-ди, чу-ди, чу-ди...»
Это чузи.
Он один

**Тундру тронул до глубин.
И земля, —
Так дивно пел он, —
Забродила соком спелым.
Из полярной мерзлоты
К солнцу вылезли цветы,
Так узоры вышивая,
Словно радуга живая.
На лужайке у реки
Девушки плетут венки...
Будешь с тундрой в союзе —
И услышишь песню чузи.**

О ПОБЕДИВШИХ ВЕТЕР

На рыбалку в море вышел Феттер.
А навстречу ветер,
Буйный ветер:
— Коль не хочешь ты найти могилу,
Воротись —
Во мне немало силы.
Захлестну волной,
Замою пеной.
Кто тогда тебе поможет, бедный!..

Отвечал ему смысленый Феттер:
— Ты большой хвастун, однако, ветер.
Ну куда же лезешь ты из кожи?
Спор такой уже бывал, похоже.
Я тебе спою о друге Вульсе.
Помолчи, послушай и не дуйся...

И запел он, повернувшись к морю,
О другом, но очень схожем споре.

Был охотник Вулься очень мудрым,
Ветру так сказал он хмурым утром:
— Ты силен,
Но, чтоб себя так славить,
На воде попробуй след оставить...

Дунул ветер —
Море взволновалось,
И помчались в пене вал за валом.
Но когда утихнул он невольно,
Тем же мигом улеглись и волны.

**Ни следа на море,
Хоть ты тресни.
Вот и вся о мудром Вульсе песня...**

**Как на это рассердился ветер, —
Чудом в лодке удержался Феттер,
Весла взял
И греб, забыв усталость,
Чтоб добычи ветру не досталось,
Греб и греб...**

**Затем в тиши, как прежде,
У огня сушил свою одежду.**

О ПЫТАВШЕМСЯ ЛЕТАТЬ

Кто доверчив, послушай.

История эта

Хоть давно приключилась, но ходит по свету.

Было дичи в лесу — не сочтешь по весне,

Было рыбы в реке — словно игл на сосне.

В те далекие дни

Ни бедно, ни богато.

В старой ссохшейся куваксе жили два брата,

И похожи они,

Как крупинки в песке

Или клетки на шахматной пестрой доске.

Как-то раз говорит один:

— Слушай-ка, братка,

Чем питается маленькая куропатка?

Камни, веточки, почки да трав семена, —

А гляди-ка, ведь к небу взлетает она.

Наша пища не скудная —

Мясо оленей,

Рыба красная,

Жир беломорских тюленей.

Силы много у нас, так как вкусно едим.

Почему же и мы никогда не взлетим!..

Брату это сказав,

Он подумал недолго

И залез на высокую пышную елку.

Руки вскинув, как крылья, он прыгнул —

И вот

Средь камней распростертое тело его.

На земле рождены,
Как летать мы могли бы
Или плавать в воде, словно резвые рыбы!

Брат, над телом склонившись, подумал:
«Вовек

Сверху вниз не летают,

А — снизу

и вверх».

*

...Песни, сказки.

Ночью хмурой

Вас бы слушать до утра.

Но старик оленьи шкуры

Расстелил:

— Уже пора.

Это чага сна лишила,

Солнцем налита она.

Будет сок бродить по жилам,

Будет на сердце весна.

Но поспать хотя б немного

Не мешает никому.

Завтра снова в путь-дорогу,

Я вас рано подниму...

Сплю и вижу,

Как в завязке

Молодого чудо-дня

В куваксу заходят сказки

И садятся у огня.

---

¹ Временное жилище из жердей и брезента.

* * *

Только робкий лучик солнца
Нам заявит новый день,
Первой бабушка проснется.
Встанет, тихая, как тень.

А внучатам крепко спится.
Пусть сопят часок-другой.
Ходит так, чтоб половицы
Не скрипели под ногой.

В печке чуть трещат поленья.
Хоть зима, а дом — в тепле.
Чай готов.

К нему варенье.

Суп дымится на столе.
Подымайся, детвора!
Умывайся, детвора!
Одевайся, детвора!
На учебу,
На работу
Вам давно уже пора...

Занавески отодвинув,
Изучаем из тепла:

Кто раскрасил серебрином
Ткань морозного стекла?

Пусть восход горит над далью.
Пусть под птичью перезвень
Солнце

                    золотой медалью
Награждает новый день.

* * *

**Хорошо,
        придя из тундры,
Чай покрепче заварить,
После всей дороги трудной
Груз усталости свалить...**

**Оця в дом вошел.
Молчанье.
Что ж в пустом дому скучать?
Он включил электрочайник
И друзей созвал на чай.**

**Час прошел —
Не верит Оця:
Это что за ерунда!
Холодней морозной ночи
Стынет в чайнике вода.**

**Оця сел на табуретку
И тотчас же подскочил:**

ПРИЗВАНЬЕ

**Весной прохладной
Или жарким летом,
Едва прогонит солнце зиму прочь,
По кольским влажным тундрам
Столько света,
Что ты уже не веришь больше в ночь.**

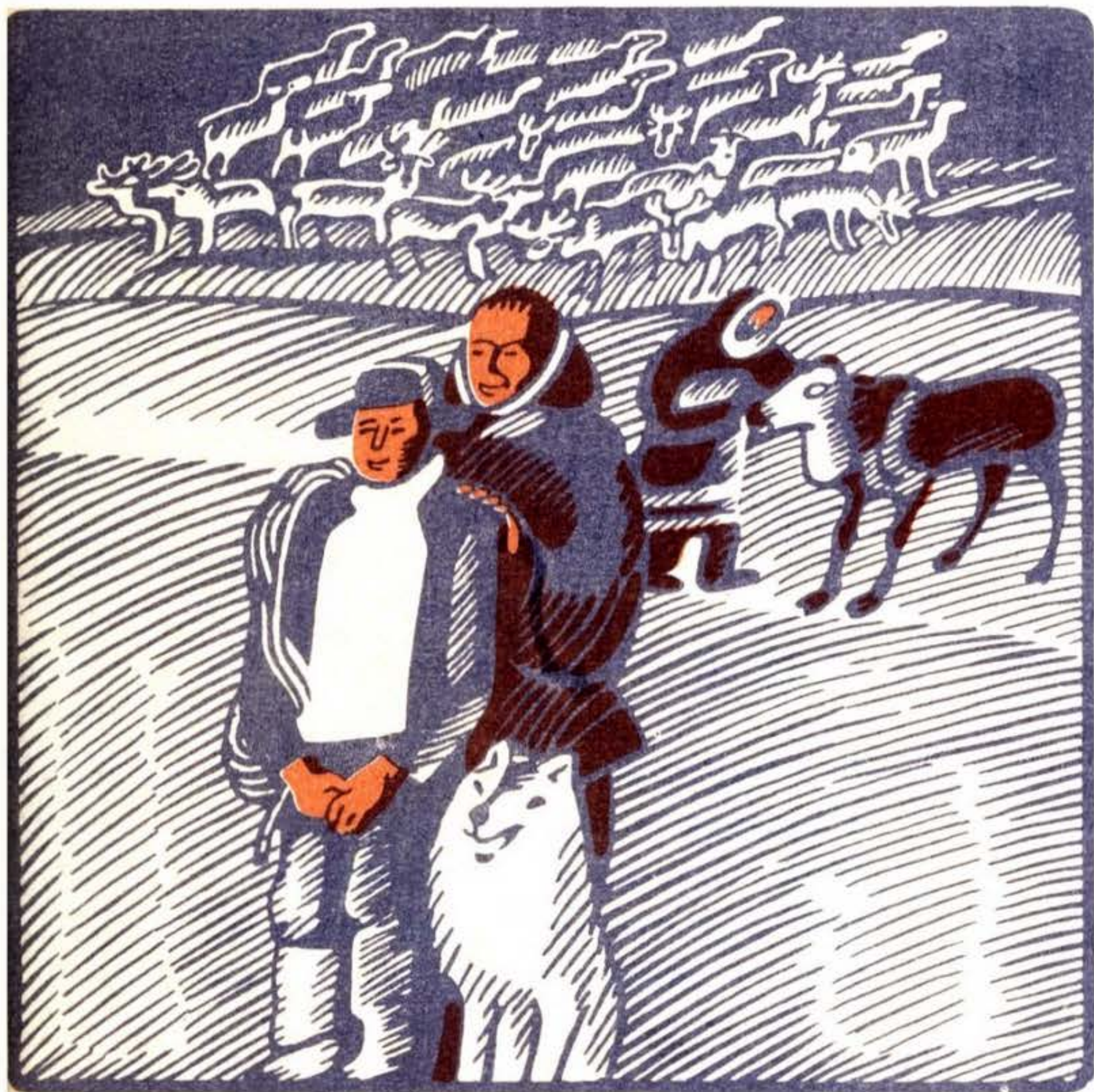
**Когда неяркой серебристой ранью
Отмечены вершины дальних гор,
С грядущим днем на первое свиданье
Спешит пастух по имени Егор.**

**Как ладен был он в молодые годы!
Высок и прям, как над рекой тальник.
Да и теперь, пройдя огни и воды,
Он ни красой, ни статью не поник.**

**Горят глаза задорно и лучисто.
Егор спросонья головой тряхнет,
Умоется в ручье, холодном, чистом,
О белый ягель руки оботрет.**

**Пасет он в тундрах тысячное стадо
Не год не два, а вот уж сорок лет.**

**Ни жизни, ни судьбы другой не надо, —
На сердце пастуха печали нет.**

**Связать бы все пути, что вместе с ветром
Прошел он через топи, валуны, —
Наверняка бы этих километров
Хватило от Земли и до Луны.**

Но если бы когда его спросили:

«Чем счастлив ты?

Признайся до конца!» —

Сказал бы:

«Пастухом стал сын Василий,

Не изменил призванию отца!»

* * *

**Все проходит:
И дожди, и слякоть.
Будет солнце на небе пылать.
Чтобы дочка перестала плакать,
Как со взрослой, говорит с ней мать:**

**— Я хочу,
Чтоб ты была здорова,
Чтоб росла, как молодой лесок,
Чтобы днями у крыльца родного
Ручейком звенел твой голосок.
Посмотри,
Весна пришла не с плачем
В край, продутый тысячью ветров.
И земля сегодня в новом платье,
Сотканном из листьев и цветов.
Вырастай скорее из пеленок.
Север так заманчив и красив!
Будешь, словно резвый олененок,
В летней тундре набираться сил.**

И учись —

Без лени и кручины.

А достигнешь осени своей —

Успевай в работе, как мужчина,

И расти, как женщина, детей.

* * *

**Ты помнишь,
У моря с тобою
Стояли мы, споря с грозой?
А с берега капли прибоя
Стекали соленой росой.**

**О камни
Волна разбивалась,
Вдали горизонт накреня.
И розовой чайка казалась
В лучах уходящего дня.**

**И чтобы прощанье скорее
Вновь встречею отозвалось,
Ты мне подарил ожерелье
Черней твоих черных волос.**

**Никто еще не был так счастлив.
Не зря же матросы в беду
Под крыльями розовой чайки
В счастливую верят звезду...**

**Зачем же так пело свирелью
Девчоночье сердце!**

Взгляни:

За черным твоим ожерельем

Нагрязнули черные дни.

В безрадостном жизненном море

И грозы гремят,

И бои.

И я до сих пор не отмою

Те черные бусы твои.

ВЬЮГА

**Задымило, затянуло
Край нагорья облаками.
Над Кедткь-выррэм¹ злая вьюга
Народилась и — пошла.
Полетели вниз лавины —
Снег и камень,
Снег и камень.
Даль, что утром голубела,
Нынче вся белым-бела.**

**Заходите в дом, ребята,
Отменяются уроки.
Дверь на улицу приперта
Толщиной сугробных плит.
Не успела тетка Марья
Снять белье свое с веревки.
Где теперь оно!
Лишь ветер
Знает,
да не говорит.**

Третьи сутки злится вьюга.
Третьи сутки стонут сосны.
Замело, как не бывало,
Все дороги и пути.
Под глубокими снегами
Спит село.
Ведь даже взрослым
Ни на ферму, ни в контору,
Ни на танцы —

не пройти.

Только вечного на свете
Не бывает.
Не бывает,
Чтоб в домах всегда селились
Страх, и темень, и тоска...
И однажды смотрят люди:
Сила вьюги убывает.
Даль опять заголубела.
Растворились облака.

Ребятня с рассветом в школу
По сугробам мчится ловко.
В каждой пуговке на форме
Ярко солнышко горит.
Лишь печальна тетка Марья:
Где белье и где веревка?
Знает ветер шалопутный,
Знает,
да не говорит.

---

¹ Гора (букв.: «гора, с которой срываются камни»).

* * *

Где же ты, Тарасик, где ж ты, пастушок!
Малица расшитая, выйдешь на лужок —
Тоборки точеные, загляденье весь.

Так оно,

так оно,

так оно и есть.

Не успел с девчонками вдоволь поиграть.
На борьбу с фашистами поднималась рать.
Гимнастерка ладная, под пилотку — честь.
Так оно,

так оно,

так оно и есть.

И ушел, родимый, не пастух — солдат,
От восхода солнца прямо на закат.
И домой принес он радостную весть.
Так оно,

так оно,

так оно и есть.

За победой — дети, будто счастье вновь:
Колюшка, Егорушка, Тонюшка, Любовь.

Сколько поприбавилось женихов, невест!

Так оно,

так оно,

так оно и есть.

Пусть в заботах будничных быстро жизнь

прошла, —

Долго не забудутся добрые дела.

Имени Тарасову, как совхозу, цвезть.

Так оно,

так оно,

так оно и есть!

СОЛДАТКИ

**«И за что же такие напасти!
Сорок лет ни покоя, ни сна.
Потускнело колечко на пальце,
Лишь блестит в волосах седина.
Не погибший с солдатами вместе,
Не схороненный с честью в земле,
Где ж он сгинул,
Пропавший без вести
Сын мой Лазарь семнадцати лет!..»**

**Изливая тоску в причитаньях
(Нелегко в одиночестве жить),
Снова вывесит бабушка Таня
Одежонку сыновью сушить.
Будто эта ребячья одежда
И сегодня ему по плечу.
Только теплится в сердце надежда
И с годами не меркнет ничуть.**

**Бабка в дом забежит по соседству,
Где свое коротает житье**

Одинокая женщина,
С детства
Полюбившая сына ее.
И пригрезится им:
Он вернется,
Скинет с плеч боевой автомат,
И невесте своей улыбнется,
И обнимет усталую мать...

Стихнет к ночи полярная вьюга.
И луна, разогнавшая мглу,
Вдруг увидит:
Прижавшись друг к другу,
Две солдатки бредут по селу.

ЧАХЛЯ

**Когда заскучается в доме,
Иди на просторы тайги.
Там маленький сказочный гномик
Живет в корневищах тугих.**

**Смешной в колпачке своем белом,
Он зла никому не творит.
Но что бы в тайге ты ни делал —
Он все за тобой повторит.**

**Топориком стукнешь по ветви —
Такой же услышишь ты стук.
А крикнешь — он эхом ответит,
И звук улетит за версту.**

**Когда же по небу заносят
Дождливые тучи ветра,
Расстелет постель ему осень
Из листьев, травы и пера.**

**И если придешь ты зимою
На это же место, сюда,**

**Увидишь пространство немое,
А гномика — нет и следа.**

**Но только плохого не думай,
Своею дорогой иди.
Нет, маленький чахля¹ не умер.
Он спит.
Ты его не буди.**

---

¹ Сказочный персонаж, гномик, живущий в лесах.

ПРОРУБЬ

**Слабый ветерок задул под вечер,
Распушил поземки снежной прядь,
Мягкую, как будто шерсть овечья,
Белую и теплую, хоть гладь.**

**Дом в сугробах прячется до крыши,
Без лопаты не открыть дверей.
Только прорубь на реке застывшей
Синим оком смотрит на людей.**

**С детства всем нам хорошо знакома
Ледяная чашечка воды.**

Присмотритесь:

От любого дома

К ней цепочкой тянутся следы.

**А река струится и струится,
Звонкая, как песня, подо льдом.
Говорят, что, если изловчиться,
Можно солнце зачерпнуть ведром.**

Пусть зима завьюжит снегом землю
Или стужей северной дохнет.
Если ночью прорубь и задремлет —
Вновь к рассвету око распахнет.

Ежедневно —
Было так и будет, —
В радости, печали и беде,
По утрам сюда приходят люди,
Благодарно кланяясь воде.

* * *

Который год —
Полжизни ли, полвека, —
Горел огонь в жилище человека
И все же понемногу стал слабеть.
Однажды утром, днем ли, в поздний час ли
Вот так же в нас огонь душевный гаснет.
А как его раздуть в самих себе!..

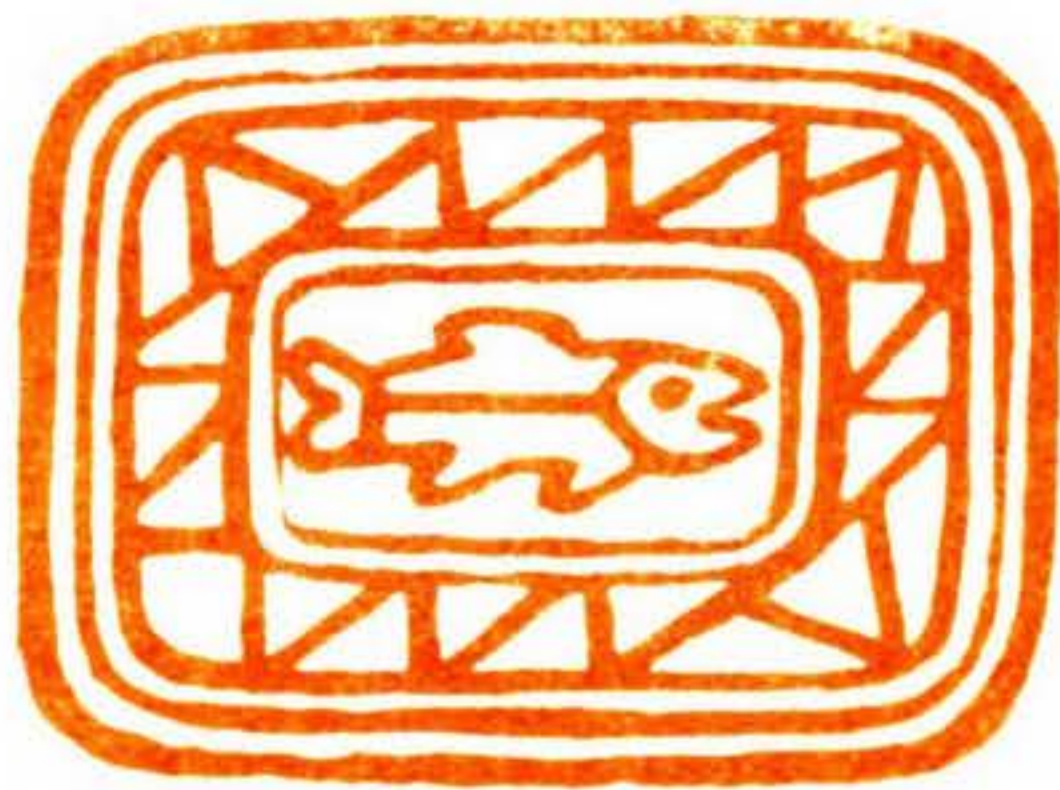
Я шевелила кочергой поленья
И вдруг золу задела.
И мгновенье
Вдруг показалось: ранили меня,
Тупым ножом по сердцу резанули.
Так под золою заискрились угли,
Как будто жар душевного огня.

Я поняла:
Жилище не ослепнет
До той поры, пока в золе и пепле
Хранится хоть крупинка теплоты...

Живу я —
Для тебя лишь сердце бьется,
Я песнь пою —
В ней о тебе поется,
Я говорю —
А в думах только ты.

ПРАСКОВЬЯ

Не вчера ли
Лето было!
А сегодня — ой-ё-ёй! —
Закружило,
Запуржило,
Засияло белизной...

И Прасковья молодою
Да красивою была,
Самой лучшей на Поное
Мастерицей прослыла.

Где со старостью столкнулась —
Не заметила сама.
Только вышла,
Обернулась —
А вокруг уже зима.

По сугробам,
Как в тумане,
С посошком селом бредет,
То ли к Рочевой заглянет,
То ль к Матрехиной зайдет.

Свежей новостью уважит,
Посидит,
Чайку попьет,
То быличку им расскажет
Или лувт¹ какой споеет...

А недавнею порою
В наше древнее село
Вместе с вышкой над горою
Телевиденье пришло.

Для Прасковьи это — диво
Пострашней, чем сатана.
Потому,
Зайдя к Клавдии,
Так и охнула она.
Знать не зная об экране.
Закачала головой:
— На-ко, парень в чемодане,
А беседует с тобой!
Что ж, племянница, творится?
Стыд-то —
Дымом по селу,
Шьешь ты, девка, рукавицы,
Шерсть и клочья на полу.
У тебя ж в гостях —
Мужчина!
Накормила бы его.
Хоть видна-то половина
Из окошечка того...

Ведь случится же такое!
Хоть по-доброму,
Не зло,

Но от смеха над Прасковьей
Все село, считай, трясло.
И в лесу
На всю округу
Вдоль замерзшего ручья
Злая северная вьюга
Заливалась, хохоча.

---

1 Эпическая песня.

* * *

Взлетает солнце в голубень
И приземляется под вечер.
Но новый день,
Весенний день
Нам выкатит его навстречу.
И озарится светом вдруг
Все под полярным низким небом.
И сдобным бабушкиным хлебом
Покажется мне солнца круг.

Сияй, светило, с вышины,
Лучи раскидывай пошире.
Как нынче травы зелены!
Как счастлив мир,
Когда он — в мире!
Ни золото, ни серебро
Я к солнцу не возьму в нагрузку.
Не зря мы ценим все добро,
Как сдобный хлеб из печки русской!

ВЕЛЛЕС-КАРНОС

**Жил когда-то в Чальмны-Варрэ¹
Дед — седая голова,
По прозванию Веллес-Карнос²,
Хоть ходил едва-едва.**

**С ним такая же старуха
Проживала с давних пор,
Слеповата,
Тугоуха,
Лишь язык один востер.**

**Потому не скучно деду,
Чай попив,
Часам к шести
Задушевные беседы
Со старухою вести.**

**Всё б судили да рядили
И об этом, и о том.
Жаль, детей не народили,
А без них не красен дом.**

**Неутешенная старость.
Ночь полярная длинна.**

Только память и осталась
О прошедших временах.

Да и как не вспомнить деду,
Дней события вороша,
Что была старуха эта
И стройна, и хороша!

Куропаткою порхала,
Где кунице не пролезть.
И светился алый-алый
В частом бисере перьевеськь³.

К ней на север
В поселенье
Он приехал под окно.
Разнаряжены олени
В ярко-красное сукно.

И запел он,
Подбирая
Слово каждое с трудом,
Что в его восточном крае
Для нее построен дом.

Он капканы бы поставил,
Он бы выследил лося
И такую свадьбу справил —
Чтоб дивилась тундра вся!..

✱

Ночью лунной чуть хмельные,
После пира хоть не в срок,

**Собирались молодые
В путь далекий, на восток.**

**Едут час,
Четыре едут.
Засиял рассвет едва,
Завела она беседу:
— Мой любимый, порсува⁴.**

**И прервал он бег оленей,
Положил на снег хорей,
Осмотрел в недоуменье
Шкуры мягкие под ней.**

Все нормально.
Тронул снова.
Заплескалась синева.
Слышит сзади то же слово:
«Порсува» да «порсува».

Злой,
Воткнул в сугроб хорей он:
— Отдохни, а я пока
На костре чаек согрею,
Путь-дорога далека...

Молодая тотчас живо
Узелок достала с нарт
И припасы разложила:
— Скушай, милый мой, кульгар⁵.

Даже плюнул он с досады.
«Как, — подумал, — дальше жить?
Ну и женка!
Это ж надо —
Мужу горечь предложить».

Он ее одернул резко,
Придвигая котелок:
— Ты сама такое трескай,
Я уж как-нибудь
Чаек...

Без привала
Сутки кряду
Мчались, сон забыв, еду.
И она примерзла задом
К нартам, словно таз ко льду.

*

...Было.

**Мало ли что было.
Но жена его с тех пор
И обычай сменила,
И нездешний разговор.**

**И года считать забыли,
Сколько прожили потом.
Жаль, детей не народили,
А без них не красен дом.**

**Неутешенная старость.
Ночь полярная длинна.
Только память и осталась
О прошедших временах.**

---

¹ Село на реке Поной.
² Быстрый, ловкий.
³ Девичий головной убор.
⁴ Кушать хочу (север. диалект).
Сидеть неудобно (восточ. диалект).
⁵ Пирог с рыбой (север. диалект).
Рыбная горечь (восточ. диалект).

* * *

Только светом март наполнит
Голубую чашу дня,
О весне капель напомним,
Дробью частою звеня.

Лед и темный, и щербатый,
Как еловая кора.
Рыбакам пешни не надо,
Палкой ткни — уже дыра.

Скоро вешним водам литься,
Гнать сугробы из лесов.
Скоро петь веселым птицам
В разноцветье голосов,
Вновь манить путям-дорожкам
Средь пахучих мягких трав
И березовым сережкам
Красоваться по утрам.

Шелест листьев на рассвете...
Всплеск семужий над волной...
Это ветер,
Теплый ветер
Дирижирует весной.

* * *

**Над туманной поволокою,
Как над водами озер,
Солнце огненной лодкою
Выплывает из-за гор.**

**Твердый наст лучами колется —
Ни проехать, ни пройти.
И в сугробах влага копится,
Чтоб ручьям пробить пути.**

**Плещет неба синь далекая.
Сосны золотом горят.
Как у шали кисти, легкие
Над окном сосульки в ряд.**

**Снег сойдет.
Пройдет распутица.
Наведет весна красу.
И душа твоя распустится,
Как подснежники в лесу.**

ПОДСНЕЖНИКИ

На дикой поляне
Одни среди такого снега
Синеют подснежники,
Будто крупиночки неба.

По тонкому льду
Через озеро
Тропку осилив,
Два тезки — Сережки —
Подругам цветы приносили...

Весенний ледок
Под ногами
И хрупкий и тонкий.
Но поздняя ласка
Волнует меня,
Как девчонку.

Я тропку пройду,
Я озерную стынь заколдую.

Пусть видит весна
Не седую меня —
Молодую.

Шаманом кричу надо льдом,
Чтобы легче я стала.
Дойду до поляны.
Цветы,
Словно счастье,
Достану!

* * *

**Язык веселого ручья
Бежит по тундре и лопочет,
Что полюбила парня я,
А он любить меня не хочет.**

**Он ведал ли, что был любим,
Или не ведал?
Я не знаю.
Он так спросил:
Могла б я с ним
Уехать в степи Кустаная?**

**Да, может выдать комсомол
И мне такую же путевку.
Но отвечать ему самой
Так было трудно и неловко.**

**Я предпочла тогда смолчать.
А что сказать ему?
Легко мне
Здесь оставлять старуху мать
И двух своих сестреноч-школьниц,**

Двух младших братьев и отца,
Которому не встать с постели!..

Так разбиваются сердца,
Когда меж ними лягут степи.

Летели месяцы, года.

Печали,

дом,

работа,

книжки...

Я не заметила, когда

Сестренки выросли,

Братишки.

У них теперь своя мечта

О БАМе, целине, КамАЗе.

А я!

Все та же иль не та?

Наверно, постарела малость.

Но не унять мне сердца звон.

Я счастлива.

Из Кустаная

Весть принесла мне почтальон:

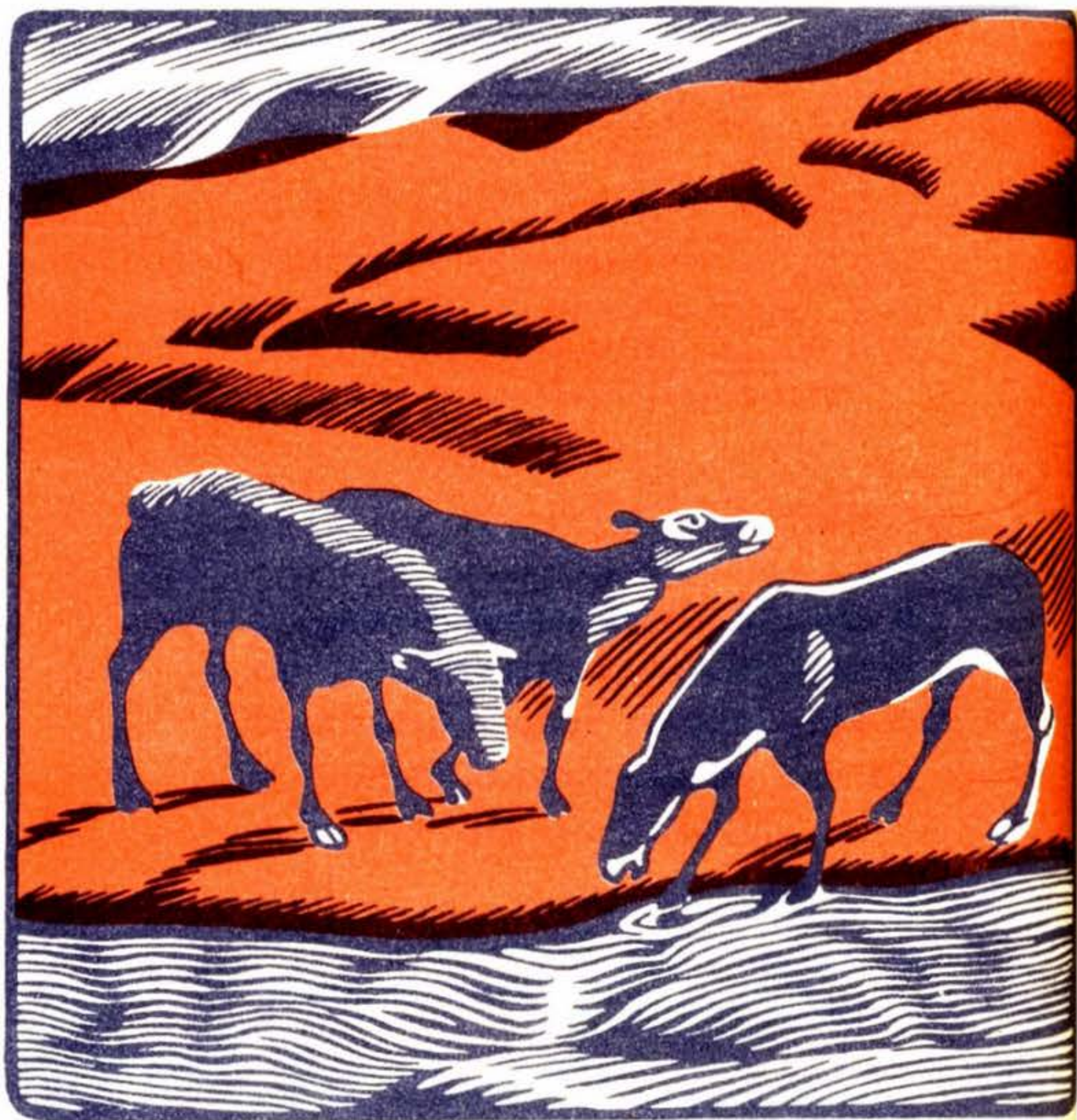
«Я выезжаю.

Жди, родная...»

**И солнце, поднимаясь в небеса,
Льет свет, который всю зиму копило.**

**И пышный ягель тундре так к лицу, —
В оленьем стаде скоро быть приплоду.
И важенки подходят к озерцу
И важно пьют**

живительную воду.

* * *

**Над весенней тундрой гуси кличут.
Торф от снега талого намок.
Маленький олешек робко тычет
Белую мордашку в белый мох.**

**У него пока и силы мало,
Он на ножках тоненьких дрожит.
Ласковая бдительная мама
Слабого дитятю сторожит.
Теплым боком от ветров прикроет,
Шерстку пооближет языком,
Ягель на проталинке отроет
Иль напоит вкусным молоком.**

**Есть чему дивиться олененку:
Вешний мир прекрасен и не лют.
На земле ручьи клокочут звонко,
В гулком небе пуночки поют.**

**Соком наливається брусника.
Солнце свет на тундру щедро льет.
Очень скоро мама-олениха
Пополнение в стадо приведет.**

* * *

Влажно утро.

Восход с позолотой.

Даль прозрачна, ясна, широка.

Затопила луга и болота

Разгулявшаяся

Река.

Вновь заботы у деда Трофима:

Он копается в снастях своих.

Вот раздолье-то нынче налимам

Да и щукам

В лугах заливных!

Вскоре будет и лето на гребне,

Сенокоса наступит пора.

Словно стяги,

Поднимутся ценьге¹

Там, где рыба клевала вчера.

И пойдут краснощельцы на пожни —

Работающий и дружный народ.

Будут косы звенеть, осторожны,
И вставать за зародом зарод.

И у деда Трофима работа:
Хоть давно уж не косит он сам,
Но зато золотую погоду,
Как синоптик,
Предскажет косцам.

! Колья для зародов.

* * *

**Камни, камни, камни, камни,
Молчаливы, холодны,
Как росы студеной капли,
Как дыхание луны.**

**Эти камни предок ищет,
Чтоб занять себя трудом:
Пурнэ¹ выстроить для пищи
Или даже — целый дом.**

**Польза помнится веками
До сегодняшнего дня.
Жернов, нож, топор —**

из камня

И кресало для огня.

**А для праздника, веселья
Есть в камнях другой запас:
Жемчуга для ожерелья,
Аметисты иль топаз.**

ПОНОЙ

Протянулась Кольским краем
Далеко-далёко,
Как попутчица людская,
Олмэ-варда-ёгкын¹.

То бурлит среди утесов,
Как орлиный клетот,
То замрет в спокойных плёсах
Олмэ-варда-ёгкын.

Наклонились над порогом
Пихты, сосны, елки.
Правит к морю путь-дорогу
Олмэ-варда-ёгкын.

Освещает над деревней,
Будто свет из окон,
Новой жизни след
и древней
Олмэ-варда-ёгкын.

А какой особо дорог —
Постарайся с толком

**Пращуров далеких
И костры жилищ над синью
Олмэ-варда-ёгкын.**

**Пепелища зарастают
Трын-травой жестокой.
Волны к морю катит стаей
Олмэ-варда-ёгкын.**

**Всем дано взлетать и падать,
Петь иль плакать долго.
Но останется, как память,
Олмэ-варда-ёгкын.**

Как вольная птица,
я вырвусь весной, —
Куда ж вы тогда,
старички,
без меня!

* * *

Не буду я плакать,
Не буду заламывать ру
Рыдать, голосить о про шем
Лопарке нельзя.
За делом пою
Свою песнь о любви, с луке.
И вдруг по щеке
Бисеринкой скатилась слеза.
Ну и что!

И руки и пальцы в движенье,
Мелькает наперсток.
Сижу я и шью
И тихонько пою про житье.
Потуже мне швы затянуть
И привычно и просто.
Но все же непрошено
Капнет слеза на шитье.
Ну и что!

Я в доме одна.
Это время приходит такое.
С осеннею стужей

Поднялись птенцы на крыло.
Что им делать в гнезде!
Им еще далеко до покоя,
Им не скоро еще
Возвращаться в родное село.
Ну и что!

Сентябрь наступил.
И мне тоже пора на работу.
Закончилось лето,
Как грустная песня моя.
Опять окунаюсь
В большие дела и заботы.
И встретят меня
Школьный дом
И большая семья.
Так и есть!

* * *

Как же разнятся слова:

ДА

и НЕТ!

**ДА — зеленая трава,
Солнца ясный свет.**

**ДА — костер, стреляя в ночь,
Грусти топит лед.**

**ДА — надежда, что помочь
Кто-нибудь придет.**

НЕТ —

осенняя пора.

Серый скрип песка.

Дождь, что льет как из ведра.

Сырость и тоска.

НЕТ — пугающая тьма.

Холод сквозь пальто.

**НЕТ — ослепшие дома,
Где не ждет никто...**

**Но живет сомнений груз.
Давит тяжесть лет.
Ведь слова находит трус,
Где
ни ДА ни НЕТ.
В тень спешит он, как слизняк,
Чтоб не на виду.
«Ну как сделаю не так!
Лучше подожду...»**

**Я сомнения всегда
Разрешить смогу:
Если другу —
Только ДА.
НЕТ —
                    врагу.**

* * *

Показаться может кому-то:
В мире все друг другу сродни.
Зорьки вечером есть
И утром,
И на радость для всех они.

Мы у солнца радости просим.
А ведь разная есть она:
Радость
    поздняя, словно осень,
Радость
    ранняя, как весна.

Но любая из них, как награда,
Ожидаемая давно.
Чаще это —
    шумная радость,
С пляской,
С песнею озорной.

* * *

**Вновь в порту гудки горланят звонко,
Рвется тишина на лоскуты.
Не находит солнце горизонта —
День и ночь сияет с высоты.**

**Этот свет влюбленных всех тревожит,
Им бы все гулять да говорить.
Кто-то с непривычки спать не может,
Просит окна шторами закрыть.**

**Я бы тоже ночь бродила, пела,
Было б только с кем глядеть на свет.
Ну, а если спать —
Какое дело,
Есть на небе солнце или нет.**

* * *

Проснулся день.
Сияет зорька,
Украшив бисером траву.
И бабушка, гремя ведерком,
С коровой возится в хлеву.

Шагают каньги¹ тропкой звонкой,
Здрав мохнатые носы.
А на носсах,
Как у ребенка,
Висит по капельке росы.

Чванливым курам на потеху
Петух орет:
— Кукареку! —
А за рекой кукушка эхом
Ему в ответ:
— Ку-ку, ку-ку...

---

¹ Саамская национальная обувь

* * *

**Июльский полдень.
Тишь сквозная.
Куда деваться от жары?
И лишь, усталости не зная,
Звенят над ухом комары.**

**А с висока,
Из поднебесья,
По селам, пожням и лесам
Струится жаворонка песня,
Легка, крылата, как он сам...**

**Но гром из туч ударит глухо —
И птица спрячется в кусты.
А комары звенят над ухом
И не боятся темноты.**

**Когда дождями мрак спрессован,
Все птицы скрыты под листвой...
Конечно, можно петь при солнце.
Попробуй
в непогоду спой!**

* * *

**Как нежданно ударил осенний мороз!
Ведь еще и листва облететь не успела.
И чернеет земли остывающей тело,
Не укрытое снегом,
Все в бусинках рос.**

**Так неожиданным твой зов оказался,
Твой зов —
Как дыханье тепла среди тундровой стужи.
Ни к чему выходить мне куда-то и слушать,—
Я твой голос узнаю среди всех голосов.**

**Я по-прежнему голову прямо держу,
Но глаза-то к промерзшей земле опускаю.
Это лето такое
Иль осень такая?
Я от холода или от страха дрожу?**

**Неужель по весне улетевшей тоска
Бередит мое сердце и душу тревожит!
Ведь не только глаза,
Но и голову тоже
Мне с годами придется к земле опускать.**

**Но я верю: как северный ветер ни груб,
Все же солнце взойдет над речною излучкой.
И согреют меня
Голоса моих внуков,
Что теплее песцовых и норковых шуб.**

ИЗ ДЕТСТВА

**Отошла пора морошки.
Повстречался с ночью день.
Невод, сети и мерёжки
Для рыбалки ладит дед.**

**По сигам или по палии
Дед и прежде был мастак.
А чтоб рыба не пропала,
Он ее готовил так:
Яму выроет,
А в яме
Все обложит берестой
И солит улов рядами.
Вот и весь секрет простой.**

**А когда наступит осень,
Нет нужды и яму рыть.
Рыбу можно заморозить,
Как дрова ее носить...**

**Завтра снова я уеду,
Как обычно в сентябре.
Будет жаль прощаться с дедом
И с рыбалкой на заре.**

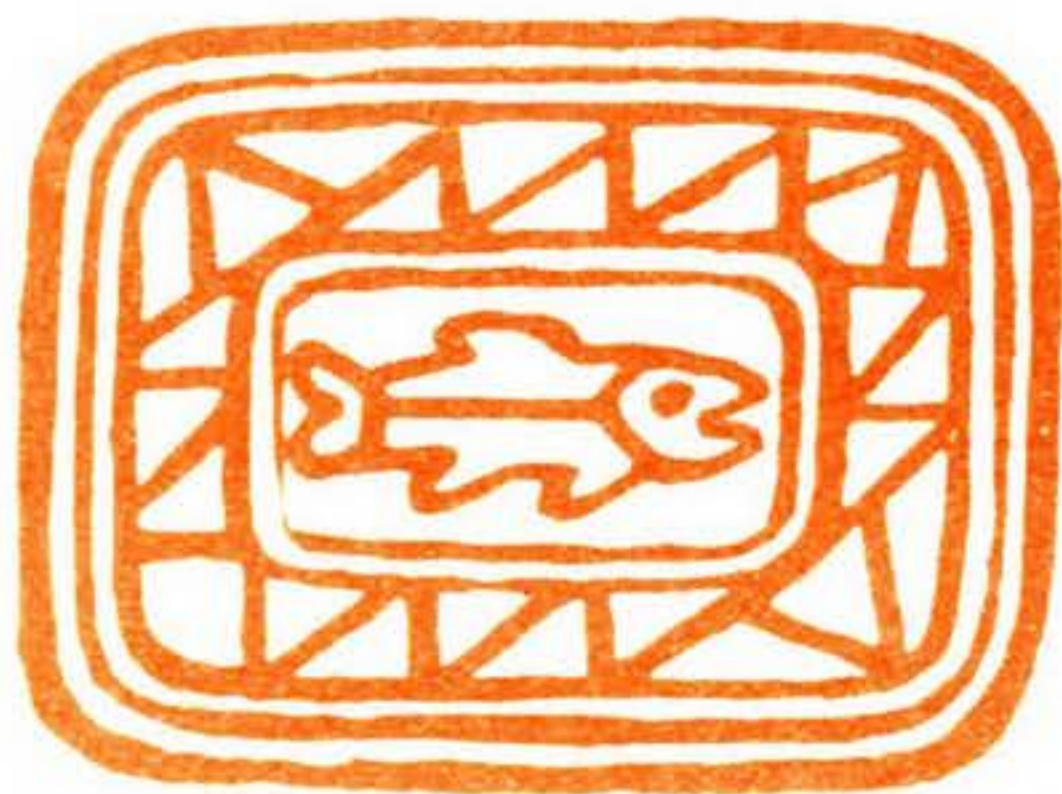

Старший брат мне скажет:
— Надо
В школу дальнюю спешить.
В Ловозерском интернате
Будешь жить и не тужить...

Я учебу понимаю,
И уроки, и стихи.
Но и в школе
Жду я мая,
Жду я дедовской ухи.

* * *

Не заметили, как
Желтолицая осень к концу подошла.
Все живое на зиму
Готовит запасы тепла.
Потемнели дожди.
Стылой ночью не видно ни зги.
На большие глубины
Уходят в озерах сига.
Даже звери в лесу
Поменяли окраску и шерсть.
По утрам под ногами
Ледок шебуршит, словно жесть.
В доме двери подогнаны,
Плотно заложен чердак.
В окнах рамы двойные
Глядят в наступающий мрак.

Как долги вечера
В Заполярье, продутым насквозь!
Здесь желанен, как воздух,
Любой, хоть непрошенный, гость.
Только скрипнет едва
Припорошенный снегом порог,

**Сразу — чай на столе,
Шаньги свежие,
С рыбой пирог.
Я теплом поделюсь,
У меня его хватит на всех.
Если чай не поможет,
В запасе есть шутки и смех.
И словами нельзя объяснить,
Как я рада гостям!..**

**То, что будет потом,
В одиночестве, —
Это пустяк.**

ЭХО

**Гористый лес становится пустым.
Прохладно от промозглой непогоды.
Как долго будет длиться эта стынь!
И эхо отвечает:
— Годы... годы...**

**О зелени деревьям снятся сны.
Напрасно ищешь ягоды, грибы ли.
Ведь по приметам быть они должны.
И эхо подтверждает:
— Были... были...**

**Давно кукушка отсчитала дни
За тучи закатившемся лету.
Тепло и солнце — где теперь они!
И лишь хохочет эхо:
— Где-то... где-то...**

**Уймись ты, пересмешник-пустобрех.
Тебе ли знать, над нами балагуря,**

Чем этот вечер так хорош и плох!
И эхо отвечает:
— Буря... буря...

Да что ты, эхо,
Знаю я сама,
Зачем дожди линуют неба просинь.
Ведь у порога топчется зима,
А ей жилья не уступает осень.

* * *

Пятьдесят.

Уже полвека.

Как подумаю — беда.

Что осталось человеку? —

Было,

было,

было,

Да...

На работе не ленилась,

Весела и не горда,

От людей не хоронилась, —

Было,

было,

было,

Да.

В очаге огонь держала,

Чтоб еда была всегда.

Скот пасла,

Детей рожала, —

Было,
    было,
        было,

Да.

Взять ружье и встать на лыжи —
Все могла я без труда.

Ты со мной казался выше, —

Было,
    было,
        было,

Да.

А из стада возвращаясь,
Лишь ко мне спешил всегда,
Дом наш взглядом освещая...

Было,
    было,
        было,

Да.

Как дожди, отморосили
И пропали без следа

Наша юность,
Наша сила.

Было,
    было,
        было,

Да.

Нет! — рыданье не годится.
Пусть все прошлое — былъе.
И под старость мне гордиться:
Все, что было, —

    все мое!

ДЕД СЕМЕН

**Тверд и крепок дед Семен,
Шаг его уверен.**

Поминутно занят он:

То ли ладит двери,

То ли сани мастерит,

То ли чинит упряжь.

Но как месяц ни блестит —

Он идет на убыль.

Вот и пенсия дана

До скончанья века.

Но без дела,

Как без сна,

Трудно человеку.

Некому сказать словцо,

Некого послушать...

Он тогда парней-юнцов

Стал учить пастушить.

**— Если будешь ставить чум,
Оглядись,**

Помешкай.
В этом деле нужен ум,
А отнюдь не спешка.
Был я в юные года
Тоже неумелым
И считал:
Пасти стада —
Не ахти и дело.
Ну, а чум-то...
К жерди — жердь,
Шкуры — честь по чести.
Котелка сверкает медь.

Вроде все на месте.
Сплю.
Вдруг полог — нараспах,
Женщина заходит
И с улыбкой на губах
Тихо речь заводит:
«Как ты, Семушка, решил
Чум поставить?
Ну-ка,
Сколько в тундре ты прожил,
Где твоя наука!..»

Да как дунул ветерок,
Будто чья-то шалость.
Шкуры, жерди, котелок —
Все перемешалось,
Полетело кувырком.
Я вскочил, тревожен.
Как непрочен был мой дом,
Хил и ненадежен!

И тогда открылось мне
Той полярной ночью:
Женщина была во сне,
А сказала точно.
Потому не верь глазам,
Строй на совесть,
Любо,
Чтоб доволен был и сам,
И другие люди!

ОСИНА

**Не так и давно это было.
Под шелест упругих ветвей
Я в летние ночи любила
Стоять у осины своей.**

**Но осень приблизилась робко,
Снегами дохнули ветра.
Не шелест теперь уже — ропот
Мне чудится в голых ветвях.**

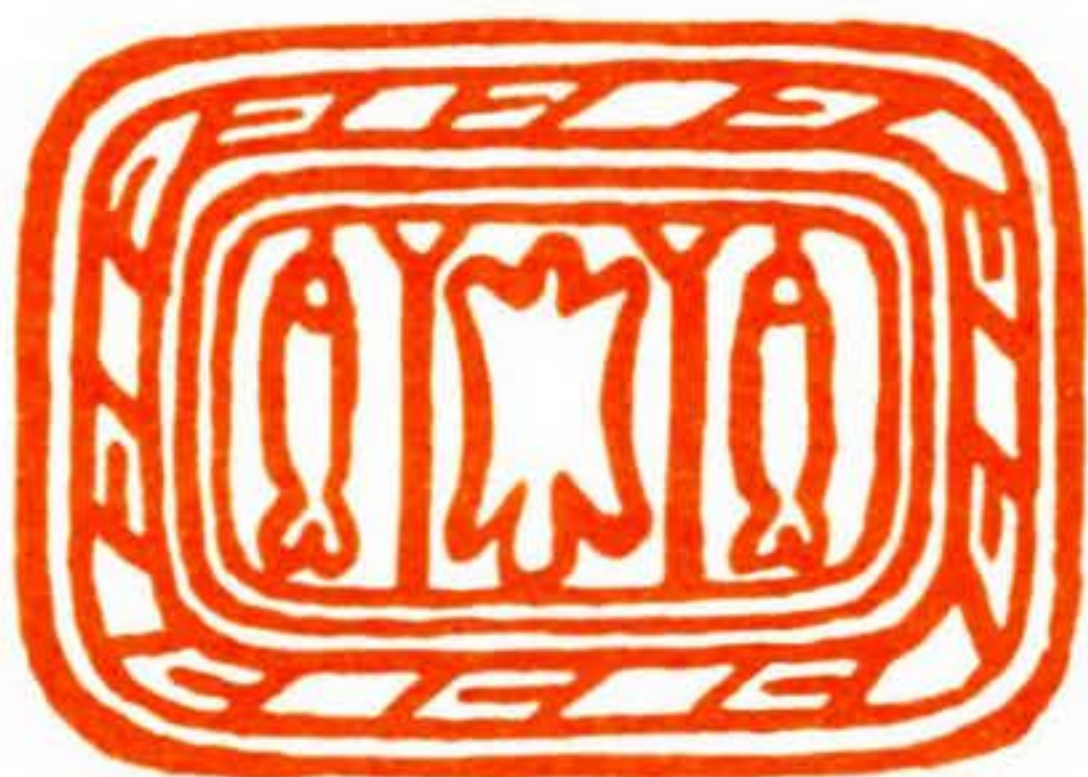
**И только в лазоревой выси,
Подернуты первым ледком,
Дрожат уцелевшие листья,
Звенят — неизвестно о ком.**

**Стройна и прекрасна, как прежде,
Осина прижмется к крыльцу.
Ей белые эти одежды
Всегда, как невесте, к лицу.**

**И, глядя на эту осину,
Я думаю:
«Что ей зима?
Ведь каждое время красиво —
И юность, и старость сама».**

* * *

**Чьи это смелые краски и кисти!
Кто из художников чудо принес!
Будто погладили лапкою лисьей
Нежно-зеленые платья берез.**

**Кто на осины багрянец набросил,
А на рябины — рубиновый шелк!
Только ли изморозь?
Только ли осень?
Может быть, возраст такой подошел!..**

**Чуть на виски лягут белые нити,
Смотришь — и вся голова уж седа.
Лапки лисы, я прошу, не коснитесь
Наших сердец никогда-никогда.**

Это кажется чудною сказкою.

Открываю в дремотной ночи,

Что любовь —

На венгерском,

саамском ли —

Одинаково близко звучит

И для тех, кому солнце не мерено,

И для тех, кто сроднился с пургой...

Ненавистный,

неласковый,

ветреный,

Что же ты не пришел,

дорогой!

ЧАСЫ

**Над работой
Никну, никну
И тяну
Иголку с ниткой
За петлей
Ложатся петли.
Тише,
Время,
Бег замедли.
А часы,
Не зная сбою,
Тик-да-так...
Как мы с тобою.
Ну куда ты?
Почему ты!..
За минутою —
Минуты
Так и льются,
Словно воды,
Год за годом,
Год за годом.
Дай мне,
Время,**

Теплый ветер,
Чтоб скорее
Друга встретить,
Чтоб о счастье,
Не печали,
Тик-да-так —
Часы стучали...
Тик-да-так.
Приходит старость.
Только память и осталась.

* * *

**Все на свете имеет
Свой голос и звук,
В обиходе
Названия есть у всего:
Обозначены
Солнце, и тундра, и луг,
Мать, отец, и река,
И земля, и село.
Из глубин вековечных
Пробился родник,
И бормочет родник,
Слово к слову лепя.
Будто жизнь повидавший,
Бывалый старик
Вспоминает сейчас
Молодого себя.
И тихонько поет
Об ушедших веках
И о зорях,
Пылающих там,**

Вперед.
Дома ты или в тундре,
Но песнь старика,
Хоть и тихая,
Душу твою бередит.
И зовет она,
В памяти стежку тропа,
В те края,
Где когда-то родился и рос,
Где качала
Рыбацкая лодка тебя,
Где встречало тебя
Белостволье берез...
Шелковистый огонь
Пожирает дрова.
Ты взгрустнешь,
Кочергой угольки шевеля,
И до боли знакомые
Вспомнишь слова:
**СОЛНЦЕ, ТУНДРА, РЕКА,
МАТЬ, ОТЕЦ и ЗЕМЛЯ.**

ДОМ У РЕКИ

**На берегу реки Поноя
Построен дом давным-давно.
Но ни зимою, ни весною
Не светится его окно.
Угрюмый, темный, словно келья.
Не вьется над трубою дым.
Дом пуст и молчалив, как Кейвы,
Грядой встающие за ним.
Добротно рубленный на камне,
Он только прошлым и живет.
И так близка его тоска мне,
Родившейся у этих вод.
На петлях дверь повисла косо,
К крыльцу придвинулись леса,
И только в пору сенокоса
Здесь раздаются голоса.
Живет совхозная бригада
Неделю или десять дней.
И каждое бревешко радо
Тому, что видит вновь людей.
Народ рабочий веселится.
На кухне ужин раздают.
И в старых сенцах половицы**

Не то чтобы скрипят — поют...
Но осенью, сырой и вздорной,
Из дома выветрит тепло.
Последней лодкою моторной
Уедут все в свое село.
И дом окутает молчанье.
Развеет над трубой дымок.
Лишь долго-долго будет чайник
Хранить остывший кипяток...
Коль на ночёвку захотите,
Туристы или рыбаки,
Вы не стесняйтесь,
Заходите —
На доме не висят замки.
Пусть каждый как хозяин будет.
Готовьте на печи обед.
Ведь сердце дома — это люди.
Их нет —
И, значит, жизни нет.

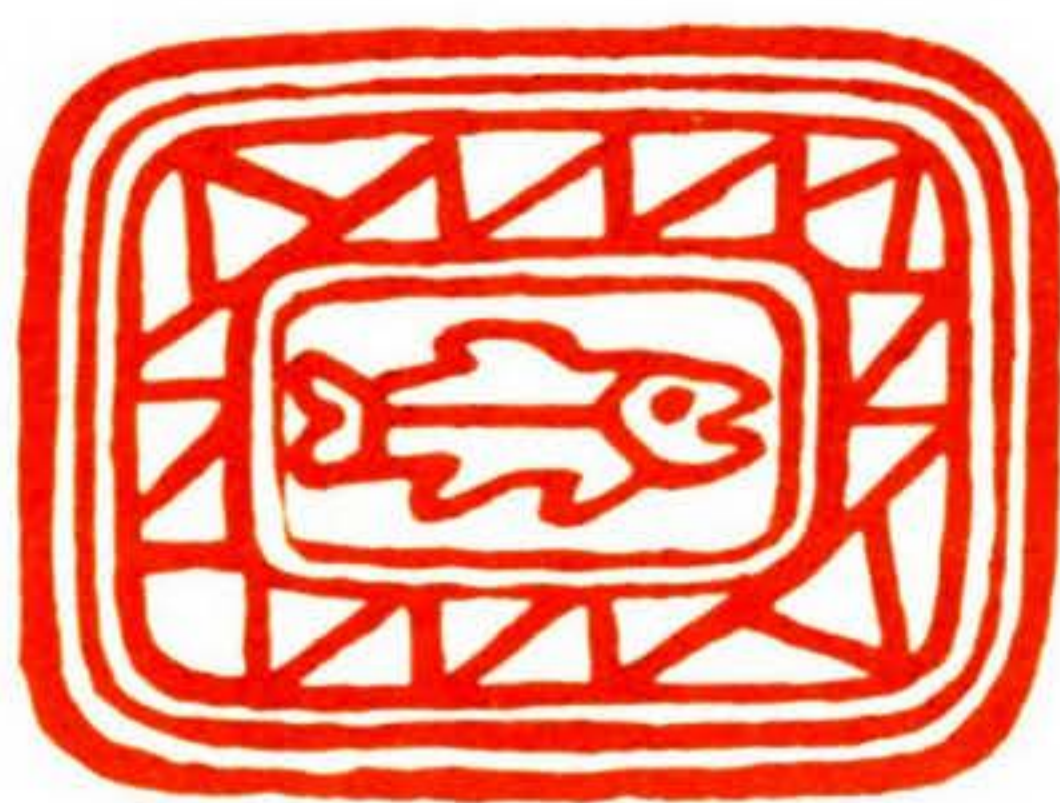
* * *

Только к ночи сдержали упряжки мы бег
И, озябшие, стали готовить ночлег,
Ставить чум и запаливать в центре костер.
От огня растекаются струйки тепла.
И больная душа будто снова светла
И чиста, как вода ледниковая с гор.

А над нами еще виден дальний огонь.
То звезда нам холодную тянет ладонь,
Но не греет ее запоздалый привет.
А в жилище огонь — человеку тепло.
Да и стал человек человеком с тех пор,
Когда искры из рук его вылили свет.

Тот огонь и в несчастье и в счастье —
с людьми,
Он не любит холодной пустующей тьмы,
Как любовь, что живет постоянно со мной...
Милый, если тебе я хоть чуть дорога,
Будь всегда ты огнем моего очага,
А не только далекой звездой ледяной.

СНЕГОПАД

**Поутру, по январю
Снег укрыл дома.
Я тебя благодарю,
Снежница-зима,
Вот за эту белизну
Над лесной грядой,
За зеленую сосну,
Ставшую седой,
За просторный светлый мир
В снеговом лету,
За даренную на миг
Эту красоту,
За резные кружева,
Павшие с небес,
И за добрые слова,
Что шептал мне лес.**

* * *

**Я стою у крыльца,
На пороге родимого дома.
Белизна,
Белизна без конца...
Как все это знакомо!
Знаю: холод и снег
Повторяются неоднократно.
Но года,
Что прожил человек, —
Невозвратны.
Как любила я эти края,
Утро каждое песней встречая!
Не заметила:
Юность моя
Отцвела иван-чаем.
Солнце радости заволокла
Туча скорбная
В ливне и громе.
И в душе не осталось тепла,
Как в нетопленном доме.**

**Были счастливы мы,
Токовали весной на опушке.
А теперь
Посредине зимы
Я одна, как кукушка.
Ни покоя, ни сна.
Снова руки без сил опускаю...
Вот опять на дворе белизна,
Белизна-то какая!**

СОДЕРЖАНИЕ

Зачинательница саамской литературы	5
«Тундра моя — моя жизнь и любовь на- всегда...»	15
«Так у нас повелось...»	18
«Ловозерские горы лишь с виду пологи...»	20
«Снег лежит в сугробах пышных...»	22
Ночлег в пути	23
«Только робкий лучик солнца...»	30
«Хорошо, придя из тундры...»	32
Призванье	34
«Все проходит...»	36
«Ты помнишь...»	38
Вьюга	40
«Где же ты, Тарасик, где ж ты, пастушок?..»	42
Солдатки	44
Чахля	46
Прорубь	48
«Который год...»	50
Прасковья	52
«Взлетает солнце в голубень...»	55
Веллес-Карнос	56
«Только светом март наполнит...»	61
«Над туманной поволокою...»	62
Подснежники	63
«Язык веселого ручья...»	65
Снежница	67
«Над весенней тундрой гуси кличут...»	69
«Влажно утро...»	70

«Камни, камни, камни, камни...»	72
Поной	74
«Слежавшийся снег — ледяная крупа...»	77
«Не буду я плакать...»	79
«Как же разнятся слова...»	81
«Показаться может кому-то...»	83
«Вновь в порту гудки горланят звонко...»	85
«Проснулся день...»	86
«Июльский полдень...»	87
«Как неожиданно ударил осенний мороз!..»	88
Из детства	90
«Не заметили, как...»	92
Эхо	94
«Пятьдесят...»	96
Дед Семен	98
Звезда	101
Осина	103
«Чьи это смелые краски и кисти?..»	105
«Что за ночь беспокойная выдалась!..»	106
Часы	108
«Все на свете имеет...»	110
Дом у реки	112
«Только к ночи сдержали упряжки мы бег...»	114
Снегопад	115
«Я стою у крыльца...»	116

Октябрина Владимировна Воронова

СНЕЖНИЦА

Стихи

Перевод с саамского
Владимира Смирнова

Редактор А. Б. Тимофеев
Художественный редактор В. С. Жарков
Технический редактор Т. В. Кабанова
Корректор Р. А. Варушина

ИБ № 547. Сдано в набор 27.12.85.
Подписано в печать 25.04.86. ПН-06201.
Формат 70 × 90/32. Бумага мелованная. Гар-
нитура журнальная рубленая. Печать оф-
сетная. Усл. печ. л. 4,39. Усл. кр.-отт. 9,07.
Уч.-изд. л. 3,4. Тираж 5000 экз. Заказ 16.
Цена 50 коп. Мурманское книжное из-
дательство, 183626, г. Мурманск, пр. Ле-
нина, 100. Типография издательства Мур-
манского обкома КПСС, 183624, г. Мур-
манск, ул. К. Маркса, 18

50 коп.

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

